

СКАЗАНИЕ О СЕМЬЕ

А.И. Егоров

Истрия учит, что без прошлого нет настоящего, а без настоящего – будущего, поэтому народы, предавшие забвению своё прошлое, уходили в небытие и просто исчезали из людской памяти. Добавлю к сказанному, что без корней не бывать дереву, а без дерева – плодам. Эта народная мудрость у разных народов озвучена по-своему, но с одинаковым смыслом. Нельзя забывать про свои корни, род и семью.

Итак, будем знакомы. Мы – Нина Петровна и Александр Иванович Егоровы, супруги с почти полувековым стажем, самая обычная многодетная семья, выросшая и воспитавшая четырёх дочек и сына и помогающая сейчас в воспитании десятков внуков. Кто-то может нас осудить, дескать, выставляя напоказ свои страсти-мордасти, но мы не видим ничего зазорного и предосудительного в публикации материалов о нашей семье и родословной, тем более в Год семьи.

Для начала обратимся к своим корням, то есть предкам. К нашему стыду, обнаружилось, что мы почти ничего не знаем о них. Наши дети и внуки в этом вопросе оказались прозорливее нас и настояли на том, чтобы я написал историю своего рода, семьи, про обычаи, традиции, жизненный уклад и т. д. Пришлось засучить рукава и в течение трёх лет извлекать из закоулков своего мозга мельчайшие детали нашего бытия. Я мечтал стать журналистом с детства и сотрудничал с детскими, молодёжными и взрослыми газетами, но выбрал другую профессию и к детской мечте вернулся лишь в пенсионном возрасте. «Ташить бегемота из болота» оказалось делом нелёгким, тем не менее рукопись моя янует на отдельную книгу, которую я надеюсь когда-нибудь опубликовать, а читателю предлагаю почитать отрывки из моего сочинения.

О корнях и предках

Без них нам никуда, и пусть читатель простит нас за то, что я захожу издали и отвлекаюсь от темы непосредственно моей семьи, но, если бы не было наших предков, дедушек и бабушек, родителей, следовательно, не было бы нас, ныне живущих. Мы всегда трепетно и с уважением относимся к старшим и тому же учили наших детей и внуков.

Мы происходим из чувашей, а наш язык является старейшим в тюркской группе языков. Республика находится в Поволжье, граничит с Республиками Мари Эл, Татарстан, Мордовия, Ульяновской и Нижегородской областями. Столица – Чебоксары – расположена на правом берегу Волги.

Народ славится своим трудолюбием, гостеприимством, упорством на грани настырности в достижении целей, тягой к знаниям и многими другими достоинствами. Как и многие малые народы, чуваша были язычниками, поклонялись они разным богам, священным деревьям для них был дуб. Я помню, на северном краю деревни в глубоком овраге рос высохший неохватный дуб, на ветвях которого висели полотенца, а под дубом всегда можно было найти пирошки, куски пирога, хлеба, сырники, а по праздникам жертвоприношения даже куски мяса. Язычество сохранялось долго, хотя со времён крещения народа в православную веру прошли столетия. Православие чуваша приняли во время похода войск Ивана Грозного на Казань. Войско на лодках спускалось по Волге, попутно воины вылавливали прятвавшихся по берегам людей, загоняли их в Волгу, и православные священники их там крестили. Кстати, среди чувашей икона Казанской Богородицы самая почитаемая, а сам народ в православной среде считается одним из самых крепких в вере. А из язычества осталась дуб на гербе районного центра города Цивильска.

Народ наш богат талантами и знаменитостями, перечислю лишь самых известных, начиная с героя Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева, родившегося в древне Будаики, входящая ныне в черту столицы республики, Андриана Григорьевича Николаева – третьего космонавта Советского Союза. Мало кому известно, что в жилах Владимира Ильича Ульянова (Ленина), кроме немецкой, русской, еврейской, текла и чувашская кровь, и об этом я читал во многих авторитетных изданиях. Известно, что отец Владимира Ильича Николаевич Ульянов работал инспектором народных училищ и дружил с Иваном Яковлевичем Яковлевым – чувашским просветителем, открывшим чувашскую учительскую школу в Симбирске и множество школ для чувашских детей, автором чувашского алфавита.

О бабушках и дедушках

Помню лишь деда Григория по материнской линии. Он был среднего роста, худощав, носил седую бороду лопатой по самую грудь – вылитый дореволюционный русский купец. Бабушка рано ушла из жизни, и он остался с пятью детьми на руках, но больше так и не женился. Судьба бабушки и бабушки по отцовской линии трагична. Дед Егор был раскулачен в 1931 году, и его дальнейшая судьба неизвестна. Бабушка Феврония не выдержала такого удара судьбы и через год тоже ушла в мир иной. По рассказам старожил, у деда была конюшня, и окрестные мужики, занимавшиеся извозом, брали у него в аренду коней. Несмотря на свою зажиточность, они не были кровопийцами в отношении бедных, во всяком случае старожилы рассказывали про них только хорошее. Единственный колодец на всю деревню был выкопан вручную на глубину тридцать метров благодаря их спонсорскому капиталу. После смерти бабушки Февронии старших детей отправили в детдома, а отца, которому на то время было два годика, приютили соседские бабушки Дарья и Варвара, ставшие для него матерями. Старшие братья отца пропали без вести в феврале 1942 года. Мамини два брата тоже погибли на фронте, так что никого из дядек, дедушек и бабушек, кроме деда Григория, мы не знали, а дед Гриша запомнился как самый любящий, щедрый дед. Когда к нему приезжали в гости внуки, он доставал из кадшки солёные грузди, открывал сундук и доставал оттуда сахарную головку (рафинада и сахара-песка мы ещё не знали) и с помощью молотка и ножа откалывал нам сладкие кусочки. В такие минуты я всегда вспоминал Несмеяну, над головой которой висела сахарная головка, и она могла баловаться сладостями сколько влезет и когда хочет.

Супруга моя помнит только бабушку по материнской линии, дед Василий Шатов погиб на фронте. Дедушку и бабушку по отцовской линии она не знала и не видела, поскольку её отец воспитывался то ли в детдоме, то ли чужими людьми. Вот такие скудные сведения остались про дедушек и бабушек. Коней деда Егора, а их было почти полсотни, отвели в создаваемый колхоз.

Иногда я шучу, что, если бы был жив дедушка Егор и не поменялся государственный строй, я был бы олигархом.

О наших родителях

Про тестя с тёщей не могу много рассказать, всё-таки общение наше не было длительным, да и супруга моя помнит немного из их жизни, но точно знаю одно: что лучше тёщи Матрёны Васильевны нет никого на свете. Ко мне она относилась как к своему сыну, впрочем, и мой отец Иван Егорович к своим

зяткам и невесткам относился как к своим детям. Тёща была в вечном движении и работе, никогда не видел её сидящей без дела. Мы очень благодарны ей, что она помогла нам воспитывать двух наших большух – Нину и Инну. Мы с супругой учились в институте и техникуме, с утра пораньше уезжали в город и приезжали вечером, дети были целыми днями на её попечении.

Тесть Пётр Петрович в 1943 году семнадцатилетним, прибавив себе год, ушёл на фронт. Парень он был крупный и подзрелый у военкома по поводу возраста не вызвал. Служил в войсках НКВД и неплохо воевал, поскольку имел медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», считавшиеся самыми престижными в солдатской среде. Он ожидал от бандеровцев Западную Украину, про войну ничего не рассказывал, и лишь однажды я услышал от него, что бандеровцы в десять раз больше зверствовали, чем фашисты.

Оба обожали внуков и всячески их баловали вкусностями и подарками.

Про своих родителей могу рассказывать бесконечно. Мать Елизавета Григорьевна сама выросла в многодетной семье и родила шестерых славных деток, и автор этих строк в этой когорте третий по счёту. К началу Великой Отечественной войны ей исполнилось четырнадцать лет, и на её долю выпали тяжелейшие работы в тылу. Зима сорок первого была лютой на морозы, а она вывозила зерно в мешках за тридцать километров на железнодорожную станцию и перегружала эти тяжёлые мешки в товарные вагоны. По дороге мёрзли, а

Нина Петровна и Александр Иванович Егоровы

чтобы совсем не околеть, прыгивали с саней и для обогрева бежали вслед за обозом. Но это были лишь цветочки по сравнению с лесоповалом. Работать приходилось по пояс в снегу, обуви, кроме лыковых лаптей, не было, а они промокали насквозь уже через полчаса работы. Костёр на поляне был, и горел он круглосуточно, да вот отогреться и подсушиться возле него не всегда удавалось, поднимали жёсткие нормы кубометров, которые молодые девчачки хоть кровью из ноздр были выполнены.

С высоты сегодняшних дней я снимаю шляпу и склоняю голову перед людьми, которых мы называем детьми войны. Они вытягивали все работы в тылу и именно их трудовой подвиг помог нашей стране выиграть эту страшную войну над фашизмом.

Помню мать вечной труженицей, ей удавалась любая работа потому, что в любое дело она вкладывала частичку своей души. Она выпекала самые вкусные пироги-караваи, и соседки – тётя Акулина, Евдокия, Дарья, Варвара – старались заниматься у неё ковригу хлеба якобы до выпечки своей, но это была святая ложь, просто их мужья и домочадцы обожали вкусные выпечки нашей матери.

Долгими зимними вечерами женщины собирались у кого-нибудь из соседок попросту повязать, попеть песни. И в рукоделии матери не было равных, веретено в её руках вертелось, как юла, а спицы мелькали так, что рябило в глазах. Из наших дочек (а супруга научила их рукоделию основательно), пожалуй, лишь у Инны такая реактивность. За вечер мать успевала связать пару носков. Не было ей равных и в огородничестве. Самые первые огурцы в деревне вызревали у неё, хотя в те времена не было ни теплиц, ни парников. В связи с этим вспоминается такой трагикомичный случай. Мы, дети, любили при случае пошкродничать в огороде, и мать нас всегда страшила, что, если мы притронемся к огурцам, Боженька нас накажет – громом пришибёт. И вот как-то она заметила на грядках засохшие хвостики от огурцов, а самих огурцов – тютю! – нет. Решила она на кур, понавтыкала прутиков поверх штакетника, но количество засохших хвостиков не убавилось, и она решила понаблюдать за огородом. Тут видит, как её большак Алексей, зыряка по сторонам, крадётся в огород, ложится на грядку, зубами хватая огурец и грызёт. Сгрыз один, перекатился и грызёт следующий, причём руки держит за спиной – сказано же было не трогать руками! Лёшина спина тогда хорошо пострадала, прутики в натруженных маминных руках тоже были не сахар.

Мать очень любила рассказывать поучающие и воспитывающие притчи. Помню одну из них про настырность, упорство и целеустремлённость: «Хозяйка ставила в подвал крынки с молоком, и как-то в одну из них попали две лягушки. Первая подумала, что это конец, и пошла ко дну, а вторая билась-билась, сбила комок масла, упёрлась в него лапками и выпрыгнула».

Мать болела гипертонией и рано ушла из жизни. Мы знали о её болезни, тем не менее её уход был для нас шоком.

У отца Ивана Егоровича жизнь тоже была трудная и насыщенная. Он был самым младшим в многодетной семье, зажиточной, но очень уважаемой. Знаю об этом не понаслышке: общаясь со старожилками, услышал много лестных слов о дедушке Егоре и бабушке Февронии. Судьба семьи была очень трагичной, и мы до сих пор ничего не знаем про деда Егора и его старших детей. Отцу был год, когда он остался без родителя, а в два стал круглым сиротой. В школе он проучился всего два года, энергия из этого живчика была через край, и он постоянно попадал в разные переделки и, соответственно, наказывался. Как он сам рассказывал, метровой линейка учителя часто гуляла по его спине, а один из углов класса был его местом чуть ли не постоянной прописки. Учитель ставил его туда на колени, и не просто на колени, а на горох. Можно мне не верить, но как-то посмотрел фильм «Белый снег» про знаменитую лыжницу Елену Вяльбе, и там есть кадры, как мать посадила будущую знаменитость в угол коленками на гречку. Учебка отцу давалась очень легко, смыслённый мальчик хватал учебный материал на лету, и в классе равных ему не было, но у сироты не было ни родителей, ни покровителей, и я думаю, что со своим острым и пытливым умом он далеко пошёл бы по жизни. Из его одноклассников впоследствии двое стали директорами средних школ, а его друг Иван

Антоныч, просидевший с отцом за одной партией два года, стал председателем обкома профсоюза работников здравоохранения. Дядя Ваня никогда не забывал, как отец помогал ему осваивать азы, и при приездах из столицы в деревню всегда навещал отца, при этом всегда прихватывал с собой бутылку коньяка. Отец на него как бы ворчал, дескать, опять притащил пойло, пахнущее клопами, но было видно, что ему приятен визит друга детства, не забывающего про него даже на таком высоком посту. Беседы их всегда затягивались надолго, видимо, им было что вспомнить из своего голоштанного детства.

Несмотря на свои, как он сам говорил «два года церковно-приходской школы», отец всегда помогал нам в решении задач по арифметике. Он шёлкал их, как белка орехи из «Сказки о царе Салтане». Он сожалел, что не смог учиться дальше, и всегда говорил нам, что учиться надо прилежно, что знания – это не мешок с камнями, который нужно таскать за спиной, и родители постарались дать нам образование: Алексей, Анатолий и я получили высшее образование, а сестрёнка Альбина окончила техникум связи, меньше Алевтина и Андрей окончили среднюю школу. Учились мы одновременно, и можно лишь предположить, чего это им, простым колхозникам, стоило. До сих пор в нашей деревне нет семей, в которых сразу бы трое детей имели высшее образование. Впрочем, есть объяснение этому – вся наша деревня зимой валяла валенки и продавала их на рынке, и мы, дети, тоже засаживались допоздна или рано вставали, чтобы помочь родителям.

Трудиться отец начал рано. Сразу после ухода из школы (как-то он обмолвился, что его выгнали) он устроился пасти колхозных свиней, но его всегда тянуло к лошадям, видимо, сказывались гены отца, нашего деда Егора, и его перевели помощником конюха, а со временем он стал и старшим конюхом. Авторитет у него был огромный, несмотря на молодость, его величали по имени-отчеству, а ведь так обращались лишь к убеждённым сединам ветеранам прошедшей войны, которых в деревне было два десятка. Вполне возможно, что сказывался авторитет деда Егора.

Кто такой старший конюх? В деревне это был самый уважаемый человек после председателя колхоза и бригадира, а для мальчишек – это вообще царь и бог потому, что от него зависела поездка пацанов в ночное. Не все знают, что такое ночное, но многие выросшие в селе из моего поколения должны помнить. Ради поездки в ночное пацаны приходили на конюшню и помогали в уходе за лошадьми. Днём лошади да и сами ребята были на колхозной работе, а вечером весь табун с седоками в туче пыли с гиканьем уносился на дальние пастбища. По прибытии на место спешивались, спутывали коням передние ноги, разводили костёр, рассаживались вокруг него, пекли картошку и начинали травить байки – чем не романтика? Спать ложиться можно было лишь по команде конюха, но ребята весь день работали в колхозе, уставали и засыпали. Такие попадали на «плужок». Уснувшему уздечкой спутывали ноги и резко будили. Бедняга спрונся вскакивал на ноги и сразу валился обратно, а если он не просыпался, его за уздечку волокли по земле, как плужок. Ржанья было больше, чем от всего табуна коней.

Не могу обойти молчанием случай, произошедший в одном из ночных и опять-таки связанный с огурцами нашей матери. Старшему конюху Ивану Егоровичу захотелось свежих огурцов. Подозвал он троих пацанов похулиганнее и наказал им поехать на запад в соседнюю деревню и пошариться в огородах. Ребята ускакали на запад и прискакали с той же стороны, привезли шефу огурцов. Тот сел возле костра, хрумкает и поговаривает, мол, огурцы замечательные, ну прямо как домашние, а ребята сели в сторонке, прыскают тихонько в ладоши и делятся от смеха.

Тут нужно небольшое отступление. Знаете, какой карман самый удобный и вместительный? Пауза. Если крепко подпрыгнуть, туда можно напихать целое ведро огурцов или зелёного гороха с колхозных полей. Не сомневайтесь, испытано на себе неоднократно.

С утренней зорькой ночники распутывают коней и скачут домой. Едут тихо, коней гонят на реку на водопой, а запаленный скачкой конь, попив воды, может упасть на ноги. И коням, и ребятам предстоит целый день трудиться на колхозных полях. Надо сказать, что коней на водопой и в ночное прогоняли по нашей улице мимо нашего двора. И тут при въезде на улицу отец сразу замечает в огороде свою незабвенную Лизу. Она стояла посреди огуречных грядок, хлопала себя ладошками по ляжкам и сыпала проклятия на неизвестных ночных татей. Отец сразу врубился в тему и учинил допрос трём шкодникам. Ребята пошли в отказ, дескать, и на базаре не бывали, и со Степанидой не гуляли. Но старого воробья нельзя было провести на мякине, и отец отстранил ребят от ночного. Нет для пацана-лошадника страшнее кары, чем отстранение от ночного. В то же время ещё нужно было помнить, что ребята были потомками воинов и партизан Великой Отечественной и даже под пытками не выдали бы тайны. Мучились ребята трое суток, глядя, как табун с седоками уходит в ночь без них, и не выдержали, пришли к отцу и повинились. При этом они сделали упор на то, что в той деревне, куда их послали, они не смогли бы ориентироваться, а в своей деревне знали, что у тёти Лизы огурцы уже созрели, поскольку они были вхожи в дом конюха. Отец поступил мудро: раз сам кинул ребят под танки, значит, сам и виноват. В ту же ночь три шкодника ускакали вместе со всеми в ночное.

Отец был худощавый, жилистый, среднего роста, ловкий, быстрый и пластичный. В те времена русская лапта была поистине народной забавой, начинали играть в неё, как только весной начинала подсыхать земля. Играли от мала до велика, даже женатики, за которых собирались болеть их жёнушки-заснобушки зачастую с грудничками на руках. Соперничали улица на улицу, деревня на деревню, и отец был в числе лучших игроков основного состава. Я всегда удивлялся его способностям – в сорок пять лет он свободно садился на шпагат и частенько заключал пари и выигрывал благодаря этой своей способности.

Как и мать, он знал много притчей и часто их нам рассказывал, как бы в назидание. Хочу привести одну из них про уважение к старикам: «Жила-была под одной крышей семья: дед с бабой, сын со снохой и детьми. Молодые с детками кушать садятся за стол в красном углу, а старикам в закуток за печкой объёдки подают. Время бежит неумолимо: старики ушли к предкам, молодые сами состарились, и их взрослые дети загнали их в закуток за русской печкой и начали объёдки кормить. Старики воспротивились было, но молодёжь им твёрдо указала на их место – закуток за печкой».

Кому как, но мне иногда очень хочется послушать мудрые советы своих родителей. Они дали нам самое главное – жизнь, и спасибо им огромное за то, что они приучили нас трудиться, дали образование, то есть помогли выучиться, вырасти хорошими, добрыми, отзывчивыми на чужую беду, уважающими старость, любящими детей, внуков и вообще людей.

СКАЗАНИЕ О СЕМЬЕ

А.И. Егоров

6 СТР. ◀

О нашем детстве и отрочестве

Они у нас с супругой, несмотря на расстояние проживания между нами, были одинаковыми. В отличие от планшетно-компьютерного поколения нынешних детей в нашем детстве было очень много подвижных игр: лапта, городки, салки, орлянка, чижики, ножики, войнушки в наших с фашистами, чапаевцев с беляками, тарзанка и т. д. Ещё одна особенность нашего поколения: мы рано начинали трудиться, и это было правильно. Наперекор пословице «от работы кони дохнут» никто от работы ещё не помер, выросло здоровое, работающее поколение. Я уже говорил, что мы помогали родителям валеть валенки. Приготовление завтрака перед школой было нашей обязанностью: мы чистили картошку, крошили сало, лук в сковородку, поджаривали на них картошку, завтракали и уходили в школу. Зимой дни короткие, уходили в школу по темноте, собирались толпой чаще всего у нас и, чтобы отпугивать волков, делали факелы. К пустой консервной банке прибавляли ручку, в саму банку насыпали золу, которую смачивали керосином, и поджигали. Керосин в бутылке таскали с собой по очереди.

В десять лет во время летних каникул мы ворошили и сгребали сено, в двенадцать работали на току – веяли зерно и затаскивали семена в мешках в амбар, в шестнадцать наравне со взрослыми косили сено, возили зерно в мешках на элеватор.

Мне шёл шестой год, когда сосед, дед Архип, предложил моим родителям «пристроить Сашку к делу» и я начал на верёвочке пасти их корову. По вечерам после дойки бабушка Аграфена приносила нам банку молока (своей коровы у нас ещё не было), и я гордился собой так, что мой нос задирался аж до самых бровей, – шутка ли, ведь я кормил семью! Как-то случилось ЧП – моя Зорька вырвалась и убежала в стадо искать себе жениха. Я тогда не знал про животные инстинкты и плакал навзрыд – потерял чужую корову. Часто я пас вместе с другим соседом дедом Игнатом, с ним было очень интересно, он знал множество баек, разных историй и рассказывал их так, что я заслушивался, развесив уши. Прошло время, наступил 1967-й, полувековой юбилей Октябрьской революции, в честь которой был выпущен одноимённый орден. Моему удивлению не было предела, когда дед Игнат появился на людях с этим орденом на пиджаке. Оказывается, в 1917-м он служил на крейсере «Аврора», том самом, что стрелял из своих орудий по Зимнему дворцу. А ведь за вид был самый обычный дед, правда, всегда носил тельняшку.

Мы не только играли и трудились, но по мере сил старались и учиться. Мой брат Анатолий учился в первом классе, и я за ним повторял буквы и слова, на шестом году я уже читал за поем. Помню такой случай. Мои родители отмечали какой-то праздник, пригласили в гости родных, соседей. Пришёл и Яков Захарович с супругой, ветеран войны, старый коммунист, притащил с собой газету «Правда». Он попросил у подгулявшего народа тишины, водрузил меня на стул посреди комнаты, будто я памятник какой, и уговорил почитать передовицу. Когда я без запинки прочитал текст, тишина прервалась такими аплодисментами, будто мы находились в Большом театре. Яков Захарович подарил мне десять рублей, наказав купить на них книги. Впоследствии книги были со мной всюду, а тогда меня впервые обласкал лужик славы. Учился я хорошо, из класса в класс переходил с похвальными грамотами. Я считаю, что мне очень повезло с учителями и особенно с первой – Анфисой Васильевной. Она вдалбливала в наши детские головки такие знания, что они оставались в памяти на всю жизнь. В нашей деревенской начальной школе они работали с мужем Иваном Максимовичем, который одновременно исполнял обязанности директора. Нашими родителями на собраниях ему давались такие наказания, чтобы он относился к чужим детям, как к своим. Поощрял и наказывал за шалости. А шалили мы все подобно Карлсону, живущему на крыше. Помню, я с двумя своими друзьями начудили что-то экстравагантное и попали к нему на воспитание в канцелярию – так мы называли кабинет директора. Построил он нас возле стенки и показал «боксерские удары типа хука и апперкота», что тут было – и небо в звёздах посреди ясного дня, и северное сияние.

Умерли они в разное время, но хоронили их всей деревней, ведь они учили даже наших родителей. Похоронены оба рядом с моими родителями, и когда я бываю на кладбище, всегда поминую и родителей, и моих учителей.

В средней школе мне тоже повезло с учителями. Каждого я помню до сих пор, особенно учителя химии Бориса Кузьмича. Говорили, что ему присвоено было звание «Народный учитель СССР». Иначе и быть не могло: в школе работали очень опытные и мудрые педагоги, поговаривали, что к открытию нашей школы приложили руки сам великий чувашский просветитель И.Я. Яковлев. Особенно мне нравилось учить языки, в том числе немецкий, под руководством Веры Егоровны Егоровой. Кстати, с педагогом немецкого мне повезло и в институте – нам этот язык преподавала бывшая военная переводчица, и впоследствии немцы мне льстили про мой берлинский говор.

У супруги начальной школы не было в деревне, и они с первого класса ходили за два километра в соседнее село. Восемилетку она заканчивала в другом селе уже за три километра, а десять классов – уже за десять километров ездили, а то и пешком ходили, если не было рейсового автобуса. Возможно, что эти походы в школу и обратно вырабатывали в нас силу воли и выносливость.

Много было запоминающихся событий, но особенно запомнился полёт Юрия Алексеевича Гагарина в космос. Земля ещё толком не просохла, двойные окна ещё не были раскрыты, а тут Левитан по радио объявляет о полёте в космос нашего советского человека, и тут же все окна раскрылись настежь, во всех домах на всю громкость включились радиорепродукторы. Помню, как мы, мальчишки, в воздух кидали свои картузы и они шлёпались в весеннюю грязь, дома могло попасть за грязные картузы, но нам не привыкать было стирать, шопатать, латать, подшивать. К вечеру на улице уже появились слегка хмельные взрослые, кругом пели и плясали под гармонь, а гармонистов только на нашей улице было с десяток. Это был всенародный праздник. Ветераны войны говорили, что такой праздник был лишь после окончания Великой Отечественной.

Время было такое, что каждый уважающий себя пацан имел уличную кличку. Они были обидные, нейтральные и даже возвышающие пацана в глазах остальной пацаньей. Были клички такие меткие и так прилипали к человеку, что даже переходили от деду к внукам. Бывало и так, что односельчане даже забывали настоящее имя человека. Одному моему другу дали кличку Моряк. Мы, малыши лет пяти, ходили купаться на речку, учиться плавать. Старались держаться подальше от взрослых ребят, которые норавлили нас бросить в воду, а сами держались поблизости, чтобы помочь нам выбраться на берег. Мы плакали, конечно, но к пяти годам все деревенские малыши плавали, как рыбки. И вот моего друга поймали на речке взрослые и закинули в воду. На удивление, он взял и поплыл, рассекая воду, как гордый крейсер «Варяг». Тут же ему присвоили пожизненно кличку Моряк.

На всю жизнь моим братьям и сестрёнке запомнилась поездка в город для знакомства с зооцирком. В тридцати километрах от нас была крупная железнодорожная станция с городом Канаш, куда в годы войны вывозили зерно. Приехал туда передвижной зооцирк со всякими зверюшками. Мне повезло больше всех, поскольку я был учеником начальной школы и наш директор Иван Максимович заказал автобус, так что мы съездили в город без приключений. После наших рассказов ребята с нашей улицы загорелись поехать и посмотреть цирк зверей. Собралось их человек десять, утром они вышли на автодорогу (сейчас это федеральная автодорога), проголосовали и поехали на рейсовом автобусе в город. Вот и город Канаш, вылезай скорей, чуваш! Ребята с автобуса пошли смотреть зверей. С говорящим слоном поговорить им не удалось, с верблюдом разговор тоже не заладился, он их обхаркал слюной. Дорвалась деревня до деликатесов, наелись мороженого, пирожков, попили лимонада. Тут домой ехать, а в кармане лишь вошь на аркане. Мой старший брат Алексей, как казначей, собрал у ребят все гроши, которые у них остались в карманах, и пришёл к выводу, что денег им хватит лишь на полдороги. Решили идти до ближайшего от города крупного села, а это десять километров пешком, а дальше – как Бог на душу положит. Тут и солнце на закат пошло, ехал какой-то запоздалый автобус, и дяденька шофёр пожалел детей и подобрал. Самым маленьким среди них была моя шестилетняя сестрёнка Альбина, которую ребята из города до этого села тащили по очереди на плечах. Лёша изложил ребятам план действий: как только автобус остановится и водитель откроет двери, все ребята выскакивают из автобуса и тикают домой без оглядки. Всё получилось на ура. Пока водитель пересчитывал жменю детских медяков, Лёша тоже выскочил и рванул за своими бедокурами. Водителю осталось только поаулюкать им вслед. Но самое смешное в этой истории было то, что Альбина, которую десять километров тащили на плечах, показала такую прыть, что ноги у неё крутились колесом и пятки через спину доставали до ушей. Впечатление от поездки у ребят остались навечно.

Не спрашивал у супруги, как она приучилась к занятиям лыжами и бегом, но несомненно одно – она самородок, звёздочка спорта районного масштаба. Она ещё школьницей ездила на всероссийские соревнования по лыжным гонкам. Я же занимался для себя, в соревнованиях не участвовал, у нас были ребята и посильнее, и побыстрее меня. В старших классах я был похож на цаплю – такой же длинноногий, худой и голенастый, одним словом, литр крови, кило костей и метр кожи – складной сажень. Качался на турнике, тягал гири, закладывал общефизическую базу для последующих занятий спортом. По утрам делал пробежки, для этого мать будила меня в пять часов утра, чтобы проводить корову в стадо. Когда начинались занятия, в школу и обратно я не ходил, а бегал. К окончанию школы моя супруга уже была достаточно известной лыжницей, и многие столичные тренеры мечтали заполучить её в свою команду, ну а я был всё ещё никому не известным пацаном.

Нас воспитывали старшие ребята и улица, поэтому мы росли самостоятельными. Во время весенних каникул выгоняли пасти барашек на проталины. Приходили на пастбище, разувались и бегали босиком, прыгали в сохранившийся в оврагах снег и грели озябшие ноги возле костра из кизяков. Что интересно, мы не кашляли и не болели. Самое интересное весной – это ледоход. Мы любили это явление и ждали его с нетерпением. Начинаясь он со взрыва льда перед мостом возле села ниже трёх километров по течению. Мы ждали этого и каждый раз упускали начало ледохода. Даже на самой дальней от реки улице было слышно, как будто кто-то огромный вдыхает и выдыхает из своих лёгких воздух: ха-а-а! Это значило, что лёд тронулся, и вся деревня от мала до велика высыпала на берег. Явление завораживало: льдины плыли, напоздали друг на друга и на берег, грозя задавить стоящий на берегу народ. Вода выходила из берегов и затопила луга соседней деревни на противоположном берегу аж до огородов. Взрослые парни форсировали перед своими зазнобами, перебегая по движущимся льдам на другой берег и обратно. Рыбаки огромными сачками черпали ошалевшую от резкого доступа кислорода рыбу из полыньев между льдинами. Часто на льдинах можно было увидеть лис, зайцев, собак, неизвестно как туда попавших. Смелычаки с жалеющей душой кидались спасать таких собак, так что дед Мазаев не был вымыслом, мы этих Мазаев видели каждый апрель.

Хулиганили немножко и уроки прогуливали. Как-то три дня играли в футбол на лесной поляне. Девочки с утра ходят в школу, а после обеда мы с ними вместе идём домой. На третий день смотрим – идут наши девчатки с учителями в нашу деревню. Собрали в начальной школе родителей, и мы поняли, что экзекуции нам не избежать. Отец вернулся с собрания, достал со стены «лечебник» (так назывался кожаный офицерский ремень), я молча снял штаны и лёг поперёк лавки. Ремень свистел, но мы не плакали, лишь зубы стискивали сильнее. Неудобства были потом, когда пацаны целую неделю в школе сидели за партами, приподняв зад. Тем не менее мы не унывали и подшучивали друг над другом. В футбол играть мы не бросили, но правила не нарушали. Более того, наша команда успешно выступала на соревнованиях на призы клуба «Кожаный мяч», а зимой – за приз клуба «Золотая шайба».

Футбол так стремительно вошёл в нашу жизнь, что вытеснил такие всенародные городки и лапту. Появилось телевидение, и я, к примеру, воочию видел игру Льва Яшина, Пеле, Эдуарда Стрельцова. Мы были помешаны на футболе. Учились мы уже в старших классах, в нас уже играли гормоны, старшие уже пускали нас, желтоколыхников, на местную дискотеку – танцы-хороводы под гармонь, но футбол был прелестью всего. У каждого из нас были любимые команды, за которые мы болели, фанатировали. Я с 1960-го болел за киевское «Динамо», и продолжалось это почти полвека. Сейчас я болею не за лидера, а за слабого – наверное, это возрастная сентиментальность – жалеть слабых.

Играли и заигрывались до того, что луна уже светила в полный рост, уже девушки на берегу реки, где мы купались и смывали трудовую грязь после футбола, пропели и прошлись в танцах друг с другом без женихов, а женихи в это время ложились на землю и по топоту ног определяли, где же мяч, который должен быть уже в воротах соперника. И вдруг гармошка замолкла, затихли девичьи голоса, и мы подумали, что девушки ушли. Сразу все ринулись на речку, поскидывали с себя одежду, оставив её на берегу, и начали нырять, играть в догонялки и топить друг друга и не заметили проделок наших девчонок, решивших нас проучить. Они собрали нашу одежду, прокричали, что ждут нас в деревне, и убежали. Мы повыскакивали из воды и в костюмах билейского Адама кинулись их догонять. К нашему счастью, среди девушек нашлась одна жалобная, и наша одежда была оставлена перед воротами на первую улицу. Так мы избежали всенародного срама.

Про увлечения и взрослую жизнь

В школах прозвенели последние звонки, сданы выпускные экзамены, и мы выпорхнули во взрослую жизнь. Моя будущая супруга пошла работать на завод, к тому времени её старший брат учился в институте, с финансами у родителей – пенсионерки и колхозника – было туговато, да и характер у неё такой, что она не смогла бы сидеть на шее родителей. Причиной тут ещё была в том, что спорт интересовал её больше, чем учёба, хотя в интеллекте супруги я не сомневаюсь уже полвека. Через три года работы на заводе она осознала, что без образования и знаний её ждёт тупик и поступила в энергетический техникум. Все эти годы она успешно занималась лыжными гонками у лучших тренеров республики и защищала честь Чувашии на российских и союзных соревнованиях. Самые яркие её воспоминания остались от участия во всесоюзных соревнованиях «Праздник Севера» в Мурманске. Такой была обидная жизнь действующей спортсменки: тренировки, сборы, соревнования, награды и постоянные разъезды.

Н.П. Егорова вторая слева направо

Моя жизнь после школы пошла не по плану. Мечтал стать журналистом, поступил учиться на доктора, выучился на агронома и успел поработать по специальности и даже преподавать и заведовать агрономическим отделением в совхозе-техникуме в течение семи лет. В медицинский я поступил, подавшемуся уговором брата Алексея, отслужившего в армии два года военфельдшером, демобилизовавшегося в год окончания мной средней школы. Он рассчитывал, что я помогу ему во время вступительных экзаменов, но на первом же экзамене он пролетел, как фанера над Парижем, а я успешно выдержал все четыре экзамена и конкурс из более чем двенадцати человек на место, был зачислен в число студентов-медиков. Был месяц работы на картошке, где я работал удачно на знакомой сельскому пацану работе, а после переоседелся и шёл на тренировку. К тому времени у меня уже был свой тренер по спортивной ходьбе, впрочем, про эту династию спортивных тренеров следует рассказать отдельно. Представьте себе семью из трёх братьев и жены среднего брата, занимавшихся популяризацией спортивной ходьбы в республике, воспитавших не один десяток чемпионов России, СССР, Европы, мира и Олимпийских игр и удостоенных званий заслуженных тренеров СССР и России. Я считаю, что мне всегда везло на учителей и воспитателей, даже на производстве мне приходилось работать рядом с героями Социалистического труда и перенимать их бесценный опыт. Я не поднялся по карьерной лестнице, но впитал в себя всё самое лучшее от моих воспитателей, начиная от моей первой учительницы Анфисы Васильевны и кончая моими школьными, институтскими преподавателями, тренерами и просто воспитателями по жизни, и бесконечно благодарен им за это. С началом занятий в институте после картошки с удивлением узнал о моём назначении старостой группы, возможно, наших кураторов впечатлило моё добросовестное отношение к работе на картошке и тренировкам. Через месяц учёбы я понял, что медицина – это не моё, и меня до сих пор мучает совесть, что я тогда занял чьё-то место, возможно, этот некто прославил бы медицину, как Пирогов, Боткин. Через год я с трудом забрал документы с медицинского и подал их в сельскохозяйственный институт, там повторно выдержал экзамены и поступил учиться на агронома. А в медицинском меня долго уговаривали остаться, всё-таки учился хорошо, был уже перворазрядником, активным общественником, а такие кадры на дороге не валяются и ценятся руководством.

С самых первых моих шагов в спорте мы с тренером поставили перед собой задачу в течение трёх-четырёх лет выполнить норматив мастера спорта СССР. Мои личные планы были ещё амбициознее – я мечтал попасть в элиту мировой спортивной ходьбы. Это значило отказаться от всех искушений, таких как курение, потребление алкоголя, про наркотики не могло быть даже речи, даже общение с девушками тренерами возбранялось. Если первые три запрета были осознанно преодолимы, то от общения с девушками отказаться было нелегко, ибо они в повседневной жизни повсюду сопровождали нас. Но рано или поздно этот запрет снимался с повестки дня сам собой.

Тем временем наши с супругой пути-дорожки тесно не пересекались. О супруге писали в республиканской прессе, иногда мелком я видел её на лыжных гонках, но дальше этого дело не шло. Её спортивная карьера шла в гору, моя – тоже, особенно запомнилась весна 1975 года. В конце марта того года состоялось первенство республики среди сельских спортсменов, победители на отдельных дистанциях в середине апреля выезжали в Сочи на первенство России среди сельской молодёжи. Случилось так, что я загрипповал и выступал с высокой температурой. Дистанцию в десять километров я выиграл с большим отрывом и в Сочи поехал, но перед выездом медосмотр во врачебно-физкультурном диспансере выявил у меня серьёзные нарушения в работе сердца – результат выступления в больном состоянии. В Сочи я поехал и в тридцатиградусную жару, выиграл десятку и стал чемпионом России среди сельской молодёжи, впоследствии в начале июля на первенстве России среди юниоров десяти метров не хватило до третьего места. Тем временем доктора назначили мне лечение, которое длилось полтора года, и я всё больше понимал, что на спорте придётся поставить точку. Улучшения не было, но после такого сразу снизить нагрузки до нуля нельзя было. Это было чревато ещё более опасными последствиями, и я снижал нагрузки в течение трёх лет, даже тренировался и соревновался, но уже по инерции.

В институте я был отличником учёбы, активным комсомольцем, и было приятной неожиданностью, когда в начале октября 1975-го меня пригласили в обком комсомола и объявили о включении моей кандидатуры в состав делегации советской молодёжи для поездки в ГДР. ЦК ВЛКСМ сформировал «Поезд Дружбы», от каждого региона включали по одному-два человека самых достойных из всех пятнадцати союзных республик. Поездка состоялась в конце октября – начале ноября 1975 года и оставила в памяти массу впечатлений, особенно посещение бывшего концлагеря Бухенвальд. Обо всём этом нужно рассказывать отдельно.

Продолжение читайте в следующем номере газеты «Авангард»

СКАЗАНИЕ О СЕМЬЕ

А.И. Егоров

Это прекрасное слово «азноба»

Каждый год в июле для перспективных спортсменов устраивались учебно-тренировочные сборы. Обычно они бывали в заволжских сосновых лесах. Жили в школе-интернате, питались в столовой Дома отдыха, тренировались трижды в день: утром пятнадцатикилометровая пробежка в сосновом бору, в обед длительная прогулка по заливному заволжским земляничным лугам, после полдника футбол до упаду. В разные годы тут жили и тренировались бегуны, скороходы, боксёры, юные волейболисты и гимнастки, а в 1976-м – это были для меня третьи по счёту сборы – появились лыжники. Нагрузки были очень интенсивными, но на моём счету бывали нагрузки и побольше: трижды приходилось добираться спортивной ходьбой из столицы в родную деревню после ноябрьских демонстраций, когда автостанции были похожи на людские муравейники и не было возможности сесть в транспорт. Предпочитал пройти 56 километров, чем давиться в толпе. Но самый большой переход состоялся зимой 1976-го, когда я посвятил Олимпиаде-76 76-километровую тренировку. Вот такие фанаты мы были.

Нина и Александр Егоровы

В великом и могучем русском языке есть прекрасное слово «азноба». Я не языковед, но подозреваю, что оно происходит от слова «знобить», а знобит добра-молодца даже от взгляда на понравившуюся девушку. В первый же день сборов я случайно оказался рядом со своей будущей супругой, и меня «азнобило». Это чувство невозможно объяснить никакими словами. Скажу, что это похоже на вспышку на солнце, магнитные бури от которой достигают, к примеру, сердечника и гипертоника, – сердце стучит с переборами, давление зашкаливает. Интуитивно понял сразу, что это девушка моей мечты. Целый месяц я слушал милый сердцу соловьиный щебет из её уст, но не осмеливался с ней заговорить. Она казалась неземным существом, богиней, и я думал, что она никогда не обратит на меня внимание. Свою ошибку я понял к концу сборов, хотя уже твёрдо решил, что только она будет матерью наших детей и бабушкой наших внуков. В последнюю ночь я пригласил её на свидание, мы проговорили до утренней зари, и она призналась, что тоже в первый же день влюбилась в меня по самые уши, но стеснялась заговорить об этом и ждала первого шага с моей стороны. Мы уже не хотели расставаться друг с другом даже на миг, но мы были действующими спортсменами, впереди у Нины был соревновательный сезон со сборами, разездами по стране, тренировками. Долго мы не могли подать заявление на регистрацию брака – невеста пропадала всю зиму.

Семья – это семь «я»

Встретились мы в возрасте, идеальном для создания семьи, – нам было чуть больше двадцати. Дружили совсем немного, но нас это абсолютно не пугало, мы были твёрдо уверены в том, что созданы друг для друга и встретили свою первую и единственную любовь на всю жизнь. Нас не пугали никакие

трудности, мы были готовы ко всему: отсутствию своего угла, нехватке денег, что у обоих впереди учёба и получение дипломов, будущее появление детей – оба были чадолюбивы. Мы верили друг в друга, в наши крепкие взаимные чувства и знали, что выдержим любые испытания и нам уже не жить друг без друга. У нас было по чемодану вещей, не было даже своей посуды, то есть мы начинали совместную жизнь с покупки чашек-ложек. Нет денег – не беда, есть две стипендии для поддержки штанов, закончились деньги – я со своими институтскими друзьями разгружал вагоны с углём, солью на товарной станции. Вставали в пять утра, вчетвером брались разгружать вагоны и в конце работы получали по тридцатке, в общежитие возвращались в полночь. Тяжело было зимой, приходилось постоянно работать ломами. Мы были большими оптимистами, мы знали: если руки-ноги растут с нужного места, можно нажать и имущество, и свой дом, и детей. Мы не ошиблись, и словосочетание «Семья – это семь «я» идеально подходит нам и пятерым нашим детям – Нине, Ирме, Инге, Ирме и Егору. С самого начала мы договорились, что первую дочку назовём в честь мамы Ниной, а первого мальчика – Сашей, но впоследствии, когда я уже узнал кое-что про деда Егора, мальчика назвал Егором и попал в точку. Когда я пришёл в поссовет выписывать свидетельство о рождении ребёнка, секретарь удивилась, что мы даём ребёнку столь красивое старинное имя и решила дать своему будущему мальчику, а ей оставалось меньше трёх месяцев до родов, такое же. Впоследствии имя стало очень популярным в посёлке с пятнадцатитысячным населением, и это всего-то через пять лет после рождения нашего сына!

Появление детей на свет – это всегда дополнительная нагрузка на молодую семью, особенно такую, где оба родителя – студенты. Кто-то первые трудности не выдерживает, и семья распадается, следовательно, молодые не были готовы к семейной жизни со всеми её тяготами. В данном случае страдают дети. Сказанное ни в коей мере не относилось к нам. Для нас, двух чадолюбивых, рождение каждого ребёнка было настоящим праздником. Если любовь между супругами настоящая, то первые трудности лишь укрепляют семью. Когда говорят, что в семье не было никаких шероховатостей, а тем более скандалов, мы этого не понимаем и не верим этому. Всё-таки сочетаются два совершенно разных по характеру человека, поэтому недопонимания между ними неизбежны. Кто-то из двоих должен быть умнее и, переступив через собственный эгоизм, уступить другому. Никогда нельзя распускать язык, ибо «язык мой – враг мой» и можно так обидеть человека, что он из друга станет врагом, а это катастрофа. Я, к примеру, надевал кроссовки и уходил на пробежку, и костёр свары дальше не разгорался. Я по характеру человек взрывной, но быстроотходчивый, а супруга долго заводится и так же долго отходит, так что лучше не задевать, пока она дуется. Лучше супругу похвалить, наговорить гору ласковых слов (женщина любит ушами), и в семье всегда будет мирная обстановка. В нашей семье бывали интересные, а порой и курьёзные истории, одну из них расскажу чуть ниже.

С детства помню, как родители нам говорили, что кого-то принёс аист, а кого-то нашли в капусте. С годами нам становилось всё понятнее, что взрослые обманывали нас самым наглым образом. Аистов в наших краях никогда не водилось, были лишь цапли и журавли. Что касается притаившихся в капусте новорождённых, то скажу, что лично я родился в декабре, и в наших местах в это время под толстым слоем снега можно было найти лишь замёрзшие капустные кочерыжки.

С рождением старшей дочери хлопот прибавилось. Купать, стирать, гладить пелёнки-распашонки, ухаживать за малышкой старались вдвоём. Для нас она была как куколка. Кстати, у французов есть очень интересная поговорка: «Первый ребёнок – последняя куколка, первая внучка – первый ребёнок». Я старался брать на себя больше нагрузки, всё-таки женщине после родов ещё надо восстанавливаться. Дочка росла, мы ездили в город на учёбу, бабушка укачивала внучку и делала свою домашнюю работу. В итоге днём малышка спала, а ночью бодрствовала. Я сидел до двух ночи, укачивал её в зыбке, готовясь к занятиям в институте. Просыпалась теща на русской печи, видела, как любимый зять, как сова, хлопает глазами, слезала с печи и отправляла меня спать. В пять утра мы вставали, надо было ехать в город. Досыпал я уже в какой-нибудь аудитории на лекции под присмотром своих однокурсников.

Настоящую курьёзную историю, испытание на прочность мы прошли, когда дочке исполнилось четыре с половиной месяца. Она заболела воспалением лёгких, супруге надо готовить дипломный проект и защитить его, обе бабушки заняты по горло домашними делами, поэтому пришлось мне с дочкой лечь в больницу. Поговорили с главврачом участковой больницы, Сергей Иванович оказался понимающим человеком, нас поместили в палату с четырьмя молодухами с грудничками. Девчата хотели взять над моим шефство, но мы отказались. Был определённый дискомфорт: когда кто-либо из девчат доставал грудь покормить дитя, я от стеснения отворачивался лицом к стене. Такое ещё можно было пережить, хуже было, когда я выходил в гигиеническую комнату постирать ползунки. Со второго этажа из травматологического отделения прихрамывали-приползали хромые-косые мужики, становились возле меня, хлопали себя по ляжкам и приговаривали: «Конец света настанет, мужики с грудничками в больнице лежат, пелёнки стирают». С одной стороны, обидно было слышать такие слова от мужиков, с другой – я гордился собой, ведь девчата возвели меня в ранг героя, для них я был идеал любящего мужа и отца.

Слева направо: Нина, Инна, Инга, Ирма и Егор Егоровы

Через месяц нас выписали домой и одновременно с нами приехала наша выпускница с дипломом – это был праздник. Впереди нас ждало много трудностей, но они лишь укрепляли нашу семью. Мы усвоили, что детей надо любить, уделять им как можно больше внимания, но не баловать, а если они заслужили наказания, то обоим родителям надо действовать согласованно. Детей надо поддерживать в добрых начинаниях и помогать им обрести своё «я». Если дети не чувствуют любовь родителей, они чувствуют себя ущемлёнными, я всегда таскал с собой детей: и мать посвободнее, и они познавали мир.

В годы работы в техникуме зимой каждое воскресенье мы на лыжах уходили в сосновый бор и далее на так называемую Кирпичку, на склонах которой можно было покататься на лыжах и санках. Происходило это так: в рюкзак я сажал годовалого сына, за пояс резиновым эспандером привязывал самую младшую дочь, дальше самостоятельно на лыжах шли трое старшеньких, и замыкала наш караван мама. Накатаемся и возвращаемся домой через студенческую столовую: берём пельмени и чай, наелись – и домой. Старшие до сих пор помнят эти походы.

В 1988 году мы переехали в Крым. Мы всегда учили детей занимать активную жизненную позицию, и они до сей поры остаются такими. Ни одно мероприятие в Нивовской школе – будь то спортивные соревнования, олимпиады по предметам, концерты, туристические соревнования в Портовом – не обходились без участия наших детей. Учились они хорошо, были дисциплинированными и самое главное – росли патриотами своего края.

Пару слов о своей работе в техникуме. В последний день декабря 1982-го я был назначен заведовать агрономическим отделением. Не хочется говорить плохо, но документация в отделении была сильно запущена, а в начале марта намечался приезд московской комиссии из Главка с целью проверки работы техникума, два месяца до трёх ночи просидел за документами, и положение было исправлено. Одна из членов комиссии даже посвятила мне стихи по итогам проверки:

*На работе и дома – успехи!
Здесь устали, там радость – дочки,
Но жена ведь не только утеха,
Не пора ли поставить точку?*

*Вы и классный, и завкабинетом,
И ещё очень много умений.
Мы желаем, однако, при этом –
Быть вам завоём, вот наше мнение.*

*Молодой, энергичный, умный –
Оставайтесь всегда таким:
Отделение – ваши струны,
Управляйте достойно им!*

СКАЗАНИЕ О СЕМЬЕ

А.И. Егоров

6 СТР. <

Тут требуется небольшое пояснение. К моменту приезда комиссии у нас уже родилась четвёртая дочка, тем не менее, несмотря на домашнюю нагрузку, я уделял очень много внимания возглавляемому агрономическому отделению. Без постоянной поддержки супруги такое было бы невозможным. По итогам учебного года наше отделение впервые за последние годы заняло первое место в соцсоревновании среди отделений, моя группа, где я был классным, – лучшей среди учебных групп в техникуме. Летом того же 1983 года был назначен ответственным секретарём приёмной комиссии и на отлично провёл приём учащихся, был награждён грамотой министра сельского хозяйства республики. К слову, в следующем учебном году моя группа вновь была лучшей: если в первый год они были награждены бесплатными путёвками в город-герой Волгоград, то в следующем – в крепость-герой Брест. Причина успеха кроется в том, что к учащимся я относился, как к своим детям, видимо, поэтому свыше полсотни выпускников до сих пор поддерживают связь со мной, и такое дорогого

стоит. Организовывал спартакиаду техникум по волейболу, баскетболу, футболу, футзалу. Оглядываясь назад, удивляюсь, как меня хватало на всю эту работу, думаю, что поддержка семьи была главным стимулом достижения успехов.

По приезде в Ниву нам выделили новый дом, супругу определили няней в детсад. Через пару лет она перевелась на ферму доить коров – дети росли, денег не хватало, а я начал работать в полеводстве бригадиром, затем меня назначили по восходящей на другие должности. В летнее время детей мы будили рано, дойка начиналась в пять утра, надо было помочь матери подоить коров, напоить телят. Ходил с ними и я, все наши дети прошли эту трудовую школу. Подросток сын и начал ходить со своими коровами-барашками на поле пасты. С 1994-го в колхозе перестали выдавать зарплату, и мы вынуждены были развести коров. Молокопродукты реализовывали на рынке в Евпатории, ездили и я, и мать, и дети – постепенно у нас набралась постоянная клиентура. Денег не хватало, порой даже хлеб покупать не на что было, девятностые кошмарили тогда нас на всю катушку. Зато оказалось впоследствии, что мы были миллионерами. Гривен не было, ходили купоны, инфляция была страшная. Когда перед уходом на пенсию я брал в архиве справку о зарплате, цифры там были от десяти до двадцати миллионов купонов.

Дети заканчивали школу, учить в институтах их у нас не было никакой возможности, и решено было учить их на поваров, надеясь, что возле котла они точно не будут голодными. Три дочки получили красные дипломы поваров, сын выучился на бармена. Как и в школе, в училище они были на первых ролях, и до сих пор подколлектив училища добрыми словами вспоминает про наших детей. Дальше по жизни они двигались самостоятельно. Сын заочно окончил автомобильный техникум, девочки заканчивали курсы швей, кондитеров, бухгалтеров – всё, что может понадобиться в жизни. Самой настойчивой оказалась Инна, окончившая два института заочно по специальностям «менеджмент гостиничного бизнеса и туризма» и «физическое воспитание». Сейчас она очно обучается в Международном Российском Олимпийском университете. Успешной была она и в спорте. Ещё в школе занималась карате и входила в состав сборной девушек Украины, затем в её спортивной карьере был маунтинбайк, в котором ей в Крыму не было равных в течение нескольких лет, в настоящее время её хобби – триатлон, в котором она стала чемпионкой России среди профессионалов.

Все дочки рукодельницы: шьют, вяжут, вышивают, прекрасно готовят разные блюда и торты – мать научила. Все одинаково хороши, и выделить кого-либо трудно. У каждой есть сильные стороны. Внешне похожие, характером они все разные. В том, что они выросли достойными людьми, большая заслуга матери в первую очередь, кое-какая моя заслуга тоже есть.

О внуках и воспитании патриотизма

Внуков у нас десять. Самой старшей АLINE скоро будет двадцать три, самому мелкому Максиму в рождественский сочельник исполнилось два годика. Как и их родители, они все разные, со своими увлечённостями, дарованиями, интересами. Все обожают дедушку с бабушкой и родителей, это у нас наследственное – уважение к старшим. Два внука занимаются плаванием и водным поло, посещают «Кванториум». Внучка долгое время играла в спектаклях детского театра «Золотой ключик», сейчас увлекается спортивным брейкингом и является чемпионкой Крыма в своей возрастной категории. Ещё одна увлекается волейболом. Обо всех не расскажешь, но лично меня удивляет самый маленький – Максим, который знает уже азбуку, считает до пятнадцати, знает все цвета, хотя толком ещё не выговаривает слова.

Нина и Александр Егоровы с внуком Ильёй

Мы прожили в Крыму тридцать пять лет, из них двадцать три при Украине. Больно было видеть, как приходит в упадок Крым – жемчужина на груди Советского Союза по выражению Л.И. Брежнева. С тревогой наблюдали за событиями на майдане в Киеве, за Крымской весной, за попыткой бандеровцев проникнуть на полуостров, за энергетической и водной блокадой. Мы с супругой плакали от счастья, когда Крым приняли в состав России, гордились успехами России в восстановлении полуострова. В числе первых мы получили российские паспорта, вступили в партию «Единая Россия» потому, что верили в Россию, в нашего президента. Наши дети и внуки не являются исключением – патриотизм у них в крови. Удивил один из внуков, заказавший Деду Морозу книгу про знаменитого советского снайпера Василия Зайцева. Обычно дети заказывают ноутбуки, велосипеды. Наши старшие дети бывали на Мамаевом кургане в Волгограде, возле Вечного огня и мавзолея Ленину в Москве. Патриотизм в своих детях мы воспитывали просто: «Над рейхстагом Знамя Победы вывесил Михаил Егоров, а все Егоровы – это большая родня, гордитесь своей фамилией».

Эпилог

Этот год объявлен Годом семьи. У нас самая обычная семья, тем не менее я написал про предков, свой род и семью. Это преемственность поколений и внуки неотделимы от предков. Это крохи моих воспоминаний, и я надеюсь, что читателю будет интересно.

Супруги Александр Иванович и Нина Петровна Егоровы

Поздравляем

15 июля отмечает юбилей замечательная женщина, ветеран потребкооперации, грамотный руководитель, яркий и талантливый человек

Валентина Ивановна СУРМАЧ

Примечательна её трудовая биография. Валентина Ивановна начинала свою трудовую деятельность в Раздольненском районе в должности товароведа в 1968 году. С 1980 года она – начальник торгового отдела Раздольненского райпо. В апреле 1987 года В.И. Сурмач возглавила райпо. И все последующие годы пайщики избирали Валентину Ивановну председателем правления. Её безупречная трудовая деятельность на различных должностях потребительского общества была примером для подражания! 24 года в должности руководителя, 43 года трудового стажа!

От всего сердца поздравляем Валентину Ивановну – милую, обаятельную, справедливую женщину – с 75-летием! Желаем ей крепкого здоровья, долгих лет, семейного благополучия!

С днём твоего рожденья,
Шикарным, юбилейным,
Сердечно поздравляем!
От всей души желаем
Заботы и внимания,
Тепла, очарования,
Счастья, красоты
И, конечно, доброты.

Здоровья, настроенья,
Улыбок и веселья,
Стабильности и благости,
Уюта в доме, сладости!
Только радости в глазах,
Комплиментов, добрых взглядов.
Просто будь самой собой,
Просто знай, что счастье рядом!

Ветераны потребительской кооперации,
группа «Ромашки»

РАСПИСАНИЕ КИНОСЕАНСОВ
КИНОТЕАТРА «АДРЕНАЛИН»

(Раздольненский районный Дом культуры, ул. Ленина, 39)

Продолжительность	Начало	Формат	Название	Цена
13 ИЮЛЯ (Сб.) – 14 ИЮЛЯ (Вс.)				
1ч. 07мин.	09:00	2D	Три богатыря. Ни дня без подвига (6+)	250 руб.
1ч. 32мин.	10:15	2D	Большое путешествие. Вокруг света (6+)	250 руб.
1ч. 07мин.	11:55	2D	Три богатыря. Ни дня без подвига (6+)	250 руб.
1ч. 42мин.	13:10	2D	Культурная комедия (12+)	250 руб.
1ч. 32мин.	15:00	2D	Большое путешествие. Вокруг света (6+)	250 руб.
1ч. 42мин.	16:40	2D	Культурная комедия (12+)	250 руб.
1ч. 55мин.	18:30	2D	Хранители пяти королевств (12+)	250 руб.
1ч. 42мин.	20:35	2D	Культурная комедия (12+)	250 руб.

Большое путешествие. Вокруг света (6+) (Премьера) (ПК)* – Анимация, семейный
Культурная комедия (12+) (Премьера) – Комедия
Хранители пяти королевств (12+) – Приключения
Три богатыря. Ни дня без подвига (6+) (ПК)* – Анимационное приключение

*ПК – Пушкинская карта

Телефон для бронирования мест:
+7 (978) 276-32-13

(чт., пт. – с 15:00 до 21:00; сб., вс., – с 09:00 до 21:00)

Чт., Пт., Сб., Вс. – рабочие дни; Пн., Вт., Ср. – выходные дни

В <https://vk.com/id447275381>

ВНИМАНИЕ!!!
Билеты на фильмы с возрастным ограничением 18+ будут продаваться после предъявления паспорта по требованию кассира.